

Условія воспитанія нравственнаго сознанія у ребенка.

Что человѣкъ не могъ бы быть нравственнымъ существомъ, если бы онъ не обладалъ извѣстными данными для этого въ самой его организаціи, съ которой онъ является на свѣтъ, это должно быть признано неоспоримымъ предположеніемъ всѣхъ вообще разсужденій объ условіяхъ воспитанія нравственнаго чувства у ребенка. Многовѣковой опытъ прирученія и дрессировки домашнихъ животныхъ показываетъ, что никакими средствами нельзя привить животному того, что мы называемъ нравственностью у человѣка: общеніе съ нравственными существами и ихъ воспитательное воздѣйствіе сами по себѣ слѣдовательно не способны создать того, въ чемъ отказала природа. Только разумное существо можетъ быть въ собственномъ смыслѣ слова нравственнымъ существомъ, но, какъ показываетъ опытъ, изъ всѣхъ существъ, населяющихъ нашу планету, только человѣкъ обладаетъ разумомъ и это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что его природная организація существенно отличается отъ организаціи животныхъ. Кромѣ того мы должны признать въ природѣ ребенка также нѣкоторыя спеціальныя предрасположенія къ моральному воспитанію, обусловленныя, можетъ быть, предшествующимъ продолжительнымъ опытомъ расы. „Уроки нравственнаго воспитанія, говоритъ Компайре, не были бы понятны, какъ они понятны теперь, если бы они ни встрѣчали въ природѣ ребенка безсознательнаго и дремлющаго инстинкта, который слѣдуетъ только освѣтить сознаніемъ и пробудить“¹⁾. Этотъ фактъ, помимо того или другого его ис-

¹⁾ *Compayre, L'évolution intellectuelle et morale de l'enfant. Paris. 1893. P. 264.*

толкованія, признается и другими психологами ¹⁾. Съ другой стороны, однако, вмѣстѣ съ наиболѣе компетентными въ данномъ вопросѣ психологами и наблюдателями дѣтской души мы должны признать, что фактически нравственность ребенка можетъ воспитываться только подъ условіемъ взаимодействія съ окружающей средою; послѣднее представляетъ собою необходимую школу, которую должно пройти каждое вновь появляющееся на свѣтъ существо для того, чтобы данныя въ самой полученной отъ родителей организациі потенціи стали дѣйствительностью. „Какъ-бы много значенія мы ни были склонны приписывать врожденности и наслѣдственности для нравственныхъ способностей, какъ и для всѣхъ другихъ, говоритъ Компайре, нигдѣ, можетъ быть, лучше, чѣмъ здѣсь не обнаруживается вліяніе воспитанія и социальной среды. Нравственное сознаніе не есть чистый даръ природы, естественная сила, организованная съ самаго начала, какъ это предполагаютъ съ одной стороны абсолютные раціоналисты, съ другой философы эволюціонной школы... Нравственное сознаніе, въ большей мѣрѣ, есть приобретенная способность, которая создается мало по малу, которая развивается только въ опредѣленныхъ условіяхъ, черезъ цѣлый рядъ метаморфозъ, цѣною трудныхъ усилій, и которая, наконецъ, въ своемъ началѣ совершенно непохожа на то, чѣмъ она является въ своемъ конечномъ состояніи.— Она, съ другой стороны, не есть исключительно личное приобретение, для котораго могло бы быть достаточно самостоятельности индивидуума, вытекающей изъ его собственныхъ силъ; она нуждается болѣе всякой другой нашей способности въ содѣйствіи внѣшнихъ вліяній; она предполагаетъ воздѣйствіе, плодотворное возбужденіе со стороны человеческой среды“ ²⁾.

На этихъ именно внѣшнихъ вліяніяхъ, необходимыхъ для воспитанія нравственнаго сознанія каждаго индивидуума въ періодъ его дѣтства, мы остановимъ теперь вниманіе.

Нравственный законъ, который мы носимъ въ своей душѣ,

¹⁾ Ср. *Sully*. *Etudes sur l' enfance*, p. 387: *Гюйо*, Воспитаніе и наслѣдственность, стр. 86.

²⁾ *Compayre* ibid. 280. Ср. *Baldwin*. *Das sociale und sittliche Leben erklärt durch die seelische Entwicklung*. Leipzig. 1900. S. 242 sq.

есть извѣстнаго рода внутренній *авторитетъ*, требующій извѣстнаго рода послушанія и подчиненія. Поэтому при разсмотрѣніи эмпирическихъ условій воспитанія нравственнаго сознанія естественно прежде всего обратить вниманіе на то, какое значеніе имѣетъ въ данномъ случаѣ значеніе внѣшняго авторитета, авторитета окружающихъ лицъ и прежде всего, конечно, родителей и воспитателей. Знаменитый англійскій психологъ Бэнъ въ этомъ именно факторѣ видитъ единственный источникъ нравственнаго чувства. По мнѣнію Бэна, то, что мы называемъ совѣстью, есть не что иное, какъ внутреннее отраженіе внѣшняго авторитета, дѣйствующаго черезъ посредство чувства страха. Первый урокъ, который получаетъ дитя въ качествѣ нравственнаго дѣятеля,—разсуждаетъ Бэнъ—есть послушаніе, или подчиненіе волѣ другого лица. Здѣсь пользуются легкостью, съ какою дитя испытываетъ радость и страданіе, для того, чтобы добиться послушанія, вслѣдствіе чего болѣе или менѣе быстро возникаетъ ассоціація между представленіемъ непослушанія и слѣдующаго за нимъ страданія. Создается, такимъ образомъ, страхъ по отношенію къ запрещеннымъ дѣйствіямъ. Это и есть совѣсть, или, лучше сказать, ея первый зародышъ, первое проявленіе. Боязнь подвергнуться извѣстнымъ страданіямъ есть, по словамъ Бэна, первый мотивъ нравственнаго дѣйствія, какой мы можемъ открыть у ребенка. Этотъ первоначальный мотивъ однако съ теченіемъ времени осложняется и видоизмѣняется другими элементами; ими являются любовь и уваженіе къ старшимъ, „порождающія новый видъ страха, именно страхъ причинить страданіе любимому существу“—чувство, служащее уже признакомъ болѣе высокаго нравственнаго развитія. Наконецъ, когда ребенокъ становится способнымъ понимать мотивы запрещеній, у него является еще одно побужденіе избѣгать тѣхъ или иныхъ дѣйствій—это именно мысль объ ихъ близкихъ или отдаленныхъ естественныхъ послѣдствіяхъ. Въ зрѣломъ возрастѣ, когда вполне развиты разумъ и симпатія, этотъ мотивъ становится господствующимъ. „Все, что мы разумѣемъ подъ авторитетомъ совѣсти, чувствомъ обязанности, чувствомъ добра, угрызеніями совѣсти, заключаетъ Бэнъ,—есть не что иное, какъ многочисленные способы выраженія для пріобрѣтннаго отвращенія, боязни, которыя намъ вну-

шають извѣстныя дѣйствія, ассоціировавшіяся въ нашемъ умѣ съ извѣстными намъ послѣдствіями. Мы можемъ сколько угодно излагать великое разнообразіе формъ, въ которыя облекается чувство, но его природа, его сущность, всегда будетъ заключаться въ томъ самомъ, что мы только что указали“¹⁾.—Узость только что приведеннаго опредѣленія нравственныхъ явленій, которое, однако стоитъ въ самой тѣсной связи со всѣми вышеизложенными соображеніями Бэна, наглядно изобличаетъ недостатки его теоріи, поскольку она хочетъ свести мораль къ чувству страха, какъ къ ея единственному источнику. И тѣмъ не менѣе до извѣстной степени мы должны признать правильными соображенія Бэна, поскольку они стоятъ въ согласіи съ общечеловѣческимъ, наблюденіемъ, древность котораго восходитъ къ незапамятнымъ временамъ, и по которому послушаніе является однимъ изъ воспитателей нравственнаго чувства. На этомъ издавна основывалась нравственная важность наказаній и высокое значеніе сыновняго послушанія. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ стоитъ и ученіе св. отцовъ о возрастахъ нравственной жизни вообще, по которому первая ступень этой жизни характеризуется именно чувствомъ страха. Наблюденія психологовъ вполне съ этимъ согласуются. „Первая форма нравственнаго сознанія, говоритъ Компайре, — это страхъ передъ авторитетомъ — отцовскимъ и материнскимъ. Въ признаніи этого почти всѣ согласны“²⁾. Нетрудно, конечно, понять, что называть страхъ первою формою нравственнаго сознанія можно лишь въ очень неточномъ смыслѣ слова: здѣсь дѣло идетъ, какъ мы это видѣли, только объ ассоціаціи, которая устанавливается въ умѣ ребенка между представленіемъ извѣстныхъ дѣйствій и ихъ непріятныхъ послѣдствій. Эта ассоціація сама по себѣ еще не представляетъ ничего нравственнаго. Но она важна потому, что пролагаетъ путь для истинно нравственныхъ мотивовъ, и главнымъ образомъ, благодаря тому, что ребенокъ, въ силу ассоціаціи, легко переноситъ питаемое къ наказанію отвращеніе и на самыя дѣйствія, начиная ихъ разсматривать, какъ

1) Bain. Les émotions et la volonté, 275—277.

2) Compayré, op. p. 282; ср. Preyer, Die Seele des Kindes Leipzig. 1890. S. 287; Persz, L'éducation morale dès le berceau. Paris. 1896. Ch. III и др.

нѣчто дурное само по себѣ. Кромѣ того, ребенокъ съ самыхъ раннихъ поръ приучается смотрѣть на наказаніе, какъ на естественное слѣдствіе порока, если только можно назвать этимъ именемъ его маленькіе грѣшки, и, такимъ образомъ, идея неизбѣжной наказуемости зла становится однимъ изъ признаковъ самого понятія о нравственности. Вотъ почему, между прочимъ такъ часто случается, что дѣти добровольно налагаютъ на себя наказаніе въ сознаніи какой-либо содѣянной ими вины ¹⁾. Пере, напримѣръ, рассказываетъ о ребенкѣ, который, когда его хотѣли наказать за сознательную ложь, спрашиваетъ у матери, не будетъ ли, наказаніе, назначенное ему за это, недостаточно по сравненію съ его виной ²⁾. При всемъ томъ легко, однако, понять, что если страхъ передъ авторитетомъ имѣетъ извѣстное нравственно-педагогическое значеніе, то это лишь въ силу того, что онъ будитъ другія чувства, которыя сами по себѣ стоятъ гораздо выше эгоистической боязни наказанія. Это происходитъ въ значительной мѣрѣ благодаря тому, что страхъ передъ авторитетомъ съ самаго начала уже есть нѣчто большее, чѣмъ инстинктивное движеніе чувства самосохраненія, что онъ съ самаго начала тѣсно объединенъ съ симпатическими движеніями души и представляетъ собою скорѣе извѣстную форму *уваженія*,—черта, которая и сообщаетъ ему нравственный характеръ. Благодаря этому существенно видоизмѣняется и самое понятіе о наказаніи, поскольку оно является факторомъ нравственнаго воспитанія. Самъ Бэнъ, какъ мы видѣли, признаетъ, что страхъ наказанія или страданія очень рано осложняется альтруистическими чувствами: ребенокъ боится не однихъ только физическихъ страданій, а и страданій нравственныхъ, причиняемыхъ неудовлетворенною или оскорбленною симпатіей. Но Бэнъ, какъ намъ кажется, не правъ, считая въ данномъ случаѣ основнымъ и первоначальнымъ элементомъ эгоистическій страхъ и боязнь личнаго страданія и рассматривая привходящія сюда альтруистическія чувства, какъ элементъ вторичный и только осложняющій ранѣе данное чисто эгоистическое чувство. Въ дѣйствительности это далеко не такъ: здѣсь, какъ и въ

¹⁾ Perez, Les trois premières années de l'enfant. Paris. 1892. P. 330.

²⁾ Ср. Sully, Etudes sur l'enfance, 399.

другихъ случаяхъ, мы рѣшительно не въ состояніи доказать первенства эгоизма передъ альтруизмомъ. Мы сейчасъ приведемъ факты, показывающіе, что понятіе наказанія съ самаго начала можетъ имѣть очень мало общаго съ тѣмъ, что можно назвать боязнью страданія, что оно при дальнѣйшемъ развитіи сознанія можетъ сводиться исключительно къ неудовлетворенному альтруистическому инстинкту, и что корни этого инстинкта восходятъ къ автоматическимъ рефлексамъ первыхъ мѣсяцевъ жизни ребенка: воспитательное дѣйствіе страха въ собственномъ смыслѣ слова начинается совмѣстно съ непосредственною симпатическою передачею чувствъ неудовольствія, непріязни или страданія окружающихъ, а это явленіе уже само по себѣ имѣетъ ясно выраженный социальный характеръ. Чувства ребенка проходятъ здѣсь послѣдовательно множество ступеней—отъ чисто рефлекторнаго непріятнаго движенія, испытываемаго имъ при видѣ нахмуреннаго лица, при воспріятіи строгихъ, непріятно поражающихъ слухъ, звуковъ угрожающаго и упрекающаго голоса до нравственныхъ страданій, сопровождающихъ сознаніе одиночества и покинутости, когда ребенокъ впадаетъ въ немилость у старшихъ ¹⁾, отъ непроизвольнаго плача при видѣ чужихъ слезъ ²⁾ до сознательной боязни причинить страданіе любимому существу. „Ребенокъ трехъ мѣсяцевъ, пишетъ Пере, понимаетъ по виду лица, по тону голоса, что ему дѣлаютъ выговоръ; тогда его лобъ сморщивается, его губы конвульсивно подергиваются и тотчасъ надуваются, глаза дѣлаются влажными отъ слезъ; онъ готовъ разрыдаться“ ³⁾. То, что здѣсь Пере называетъ *пониманіемъ* конечно, у трехмѣсячаго ребенка сводится скорѣе къ полусознательной, полурефлекторной передачѣ чувствованій, по своей природѣ отчасти сходной съ симпатическимъ подражаніемъ. Но во всякомъ случаѣ уже здѣсь кроются основанія того подчиненія авторитету, которое является основой нравственнаго воспитанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что эта первоначальная основа не можетъ быть

1) Ср. *Sully*, *Etudes sur l'enfance*, 385; *Compayré*, *op. c.*, 286.

2) *Sully*, *ibid.* 335.

3) *Perez*, *Des trois premières années de l'enfant*, p. 33; ср. *L'éducation morale dès le berceau*, 36—37.

охарактеризована или какъ эгоизмъ, или какъ альтруизмъ; она скорѣе заключаетъ въ себѣ зародыши того и другого: вмѣстѣ съ инстинктивнымъ чувствомъ страха, непосредственно вызываемымъ устрашающими интонаціями голоса, ребенокъ переживаетъ страданія отъ столь же непосредственно воспринимаемыхъ непріятныхъ состояній другого лица. Послѣднее явленіе нѣсколькими мѣсяцами позднѣе уже ясно обнаруживается, какъ чувство симпатіи. Дарвинъ пишетъ о своемъ мальчикѣ: „симпатія проявилась у моего сына въ возрастѣ 6 мѣсяцевъ и 11 дней; каждый разъ, какъ кормилица дѣлала видъ, что плачетъ, онъ принималъ печальный видъ, хорошо характеризуемый опущеніемъ угловъ его маленькаго рта; но только въ возрастѣ нѣсколько болѣе одного года онъ началъ выражать свои привязанности произвольными дѣйствіями, на примѣръ, много разъ обнимая свою няню, возвратившуюся послѣ недолгаго отсутствія“ ¹⁾. Очень можетъ быть, что первоначально плачъ при видѣ чужихъ слезъ имѣетъ столько же рефлекторный характеръ, какъ и улыбка при видѣ смѣха окружающихъ, что можно наблюдать у ребенка уже въ началѣ третьяго мѣсяца. Но то обстоятельство, что въ приведенномъ случаѣ ребенокъ готовъ выражать свое сочувствіе именно опредѣленному лицу,—своей кормилицѣ даетъ основаніе говорить о проявленіи симпатіи въ болѣе строгомъ смыслѣ слова. Итакъ мы видимъ, что симпатичное воспріятіе недовольства и страданія окружающихъ имѣетъ свои корни такъ же глубоко и проявляется столь же рано, какъ и чувство эгоистическаго страха, и первое изъ этихъ чувствъ, имѣетъ гораздо большее значеніе въ воспитаніи, чѣмъ второе. Доказательство этого можно найти въ томъ, что воспитаніе не только ничего не проигрываетъ, а даже выигрываетъ, если родители умѣютъ наказывать дѣтей, не прибѣгая къ чисто физическому устрашенію, но дѣйствуя на ихъ заражающіяся социальныя чувства и привязанности. Только что цитированный авторъ пишетъ о своей дѣвочкѣ: „когда ея веселье становилось слишкомъ шумнымъ, одинъ только взглядъ съ моей стороны — не гнѣвный (благодаря Богу, я почти никогда такъ на нее не смотрѣлъ), а только лишенный симпатіи,

¹⁾ *Comptare*, op. c., pp. 106—107.

въ нѣсколько минутъ измѣнялъ ея лицо“ ¹⁾. Вотъ почему ребенокъ, даже никогда не подвергавшійся наказанію, обнаруживаетъ признаки страха по совершеніи проступка: для него уже громадное наказаніе быть лишеннымъ привычной нѣжности и симпатіи окружающихъ ²⁾. Сознаніе покинутости въ высшей степени мучительно для ребенка, привыкшаго къ нѣжному обращенію; онъ „чувствуетъ, что онъ насильственно оторванъ отъ того, что составляетъ половину его существованія, и что тотъ волшебный міръ, въ которомъ онъ жилъ, палъ въ развалинахъ“; въ виду этого можно понять серіозность настроенія того мальчика, который желалъ обратиться къ Богу съ молитвою: „любви меня, когда я бываю дурнымъ“ ³⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не видѣть, насколько цѣнный опытъ для ребенка представляютъ такого рода настроенія въ нравственно-педагогическомъ отношеніи: они болѣе, чѣмъ что-либо другое воспитываютъ сознаніе *ненормальности* извѣстнаго рода поведенія, именно поведенія, поставляющаго человѣка въ дисгармонію съ окружающей средой; это сознаніе глубоко запечатлѣвается въ юной душѣ, благодаря тому, что она переживаетъ данное состояніе чувства всѣмъ своимъ существомъ, и этимъ, конечно, объясняется, что дѣти никогда не бываютъ такъ милы и послушны, какъ послѣ возстановленія на время прерваннаго мира съ взрослыми. Ребенокъ въ высшей степени чувствителенъ къ малѣйшимъ проявленіямъ неудовольствія со стороны своихъ родителей или другихъ близкихъ лицъ. „Я наблюдала, говоритъ мадамъ Неккеръ, де-Соссюръ, одного маленькаго ребенка, который увидавъ въ глазахъ матери выраженіе недовольства, не смотря на то, что ему ничѣмъ не угрожали и даже не бранили его, отказывался отъ всѣхъ своихъ игръ и съ рыданіями уходилъ въ какой-нибудь уголокъ, чтобы скрыться тамъ, обратившись лицомъ къ стѣнѣ“. Одна мать добивалась послушанія со стороны своихъ дѣтей и отучала ихъ отъ лѣности при помощи одной только угрозы, что она заставитъ ихъ заниматься вдали отъ себя, подъ наблюденіемъ какого-либо по-

¹⁾ *Comptayré*, 106.

²⁾ Ср. *ibid.* 286—287.

³⁾ *Sully*, *Etudes sur l'enfance*, 384—385.

сторонняго лица. Въ подобнаго рода случаяхъ у дѣтей далеко не всегда сказывается одно только опасеніе быть лишенными родительскаго общества и обычныхъ ласкъ; часто здѣсь можно ясно различать боязнь доставить страданіе и огорченіе любимому существу; вотъ почему родителямъ иногда бываетъ достаточно принять огорченный видъ, чтобы заставить ребенка отказаться отъ дурнаго поведенія ¹⁾. Самыя понятія о добрѣ и злѣ для ребенка часто совпадаютъ съ представленіемъ о томъ, что извѣстныя дѣйствія доставляютъ удовольствіе или страданіе родителямъ. „Это очень гадко—лгать или не слушаться, говорить ребенокъ: это доставляетъ страданіе мамѣ, это заставляетъ ее плакать“ ²⁾. Ферри рассказываетъ о дѣвочкѣ трехъ лѣтъ которая говорила своей матери, похвалившей ее за хорошее поведение: „мама, я желала бы, чтобы ты еще болѣе была довольна мною; я желала бы быть всегда хорошею“ ³⁾. Такимъ образомъ, для этой дѣвочки добро состояло въ томъ, чтобы доставлять удовольствіе своей матери. Здѣсь мы еще разъ видимъ, насколько узка идея, положенная Баномъ въ основу объясненія нравственности. Признавая источникомъ ея страхъ наказанія, Банъ естественно долженъ былъ ограничиться отрицательною стороною морали, и даже опредѣляетъ нравственность, какъ „рядъ дѣйствій, подчиненныхъ санкціи наказанія“ ⁴⁾. Но факты рѣшительно не укладываются въ рамки такого узкаго пониманія. Положительныя нравственныя понятія вырастаютъ рука объ руку съ отрицательными, и мы видимъ, что уже ребенокъ по своему имѣетъ представленіе не только о злѣ, котораго нужно избѣгать, но и о добрѣ, потому что нѣтъ возможности провести границы между страхомъ передъ возможностью страданій оскорбленнаго альтруистическаго инстинкта и стремленіемъ доставить удовольствіе любимому существу.

Итакъ, нельзя не признать того, что авторитетъ родителей и воспитателей имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ воспитанія нравственнаго чувства у ребенка. Нравственность,

1) *Compayré*, *ibid.*, 287—288.

2) *Perez*, *Des trois premières années de l'enfant*, 328.

3) *Compayré* 287; ср. *Perez* *L'éduc. mor.*, dès le berceau, 33; *Sully*, *Etudes sur l'enfance*, 339 и др.

4) *Bain*, *Des émotions et la volonté*, 255.

съ извѣстной точки зрѣнія, представляетъ собою всегда сумму правилъ жизни, т. е. сумму велѣній и запрещеній, исходящихъ изъ совѣсти. Но очень естественно, что эти внутреннія велѣнія и запрещенія воспитываются и пробуждаются въ душѣ посредствомъ внѣшнихъ предписаній и запрещеній, исходящихъ отъ извѣстнаго авторитета. Что это именно такъ, достаточно показываетъ наблюденіе Пере, который говоритъ, что идея *позволеннаго* и *запрещеннаго* есть одна изъ первыхъ формъ понятія о добрѣ и злѣ у ребенка ¹⁾. Но весь этотъ процессъ далеко не такъ простъ, какъ его описываетъ Бэнъ. Одно чувство страха само по себѣ не способно воспитать нравственнаго сознанія. Если бы это было именно такъ, то намъ совсѣмъ не было бы надобности прибѣгать для нравственнаго воспитанія къ авторитету живыхъ лицъ: тогда для воспитанія нравственнаго чувства было бы достаточно тѣхъ страданій, которыя естественнымъ образомъ влекутъ за собою извѣстныя дѣйствія. Однако никто не рѣшится этого утверждать: боязнь обжечься огнемъ, напирѣть, порожденная извѣстнаго рода печальнымъ опытомъ, сама по себѣ нисколько не похожа на нравственное чувство. Для воспитанія послѣдняго нуженъ именно авторитетъ живой личности ²⁾; и мало того, нуженъ тотъ особый родъ чувствъ, который питаетъ дитя по отношенію къ своимъ родителямъ или, какъ иногда, къ лицамъ, ихъ замѣняющимъ, который объединяетъ въ себѣ почтительную боязнь съ любовью. Это чувство по своему содержанію настолько сродно съ тѣмъ, что мы называемъ нравственнымъ чувствомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, что первое до извѣстной степени можетъ представляться лишь конкретною формою второго. Поэтому, когда говорятъ, что для ребенка „нравственный законъ воплощается въ его отца и въ особенно-сти въ его матери“ ³⁾, то это нѣчто большее, чѣмъ одна только мемафора, потому, что чувства, питаемая ребенкомъ къ родителямъ заключаютъ въ себѣ такіе элементы, которые потомъ войдутъ въ составъ чувствъ, питаемыхъ къ нравственному закону въ собственномъ смыслѣ этого слова.

1) *Perez*, Les trois premières années de l'enfant, 327.

2) Ср. *Baldwin*, Das sociale und sittliche Leben, S. 7 35 и др.

3) *Perez*, ibidem.

Поэтому, какъ мы уже говорили, мнѣніе Бэна, что именно чувство эгоистическаго страха является наиболѣе первоначальнымъ элементомъ нравственно-воспитательнаго вліянія авторитета, ни въ какомъ случаѣ не оправдывается фактами. Помимо уже всего, сказаннаго раньше, мы увидимъ потомъ, что понятіе *послушанія*, играющаго такую роль въ первоначальномъ нравственномъ воспитаніи, нуждается въ болѣе тонкомъ анализѣ: послушаніе дѣтей далеко не всегда основывается на боязни наказанія и страданія даже въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ понятій, т. е. включая сюда и опасенія причинить страданія любимому существу или лишиться его обычныхъ ласкъ. Дѣтское послушаніе имѣетъ свои особенныя условія, заключающіяся въ особенномъ состояніи дѣтской души, благодаря которому эта послѣдняя вообще легко уступаетъ всякимъ внѣшнимъ вліяніямъ и представляетъ изъ себя нѣчто въ высшей степени эластичное. Но раньше этого мы должны обратить свое вниманіе на нѣкоторые другіе факторы, играющіе на ряду съ послушаніемъ большую роль въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія ребенка.

Мы знаемъ, что нравственное чувство имѣетъ двѣ стороны, проявляясь, во первыхъ, какъ чувство долга, во вторыхъ, какъ чувство нравственной цѣнности. Когда мы опредѣляемъ нравственность, какъ область дѣйствій дозволенныхъ и запрещенныхъ и говоримъ о роли наказанія въ воспитаніи этихъ внутреннихъ вѣщій и прещеній, то нравственность является передъ нами только съ одной стороны, именно какъ нѣчто ограничивающее волю, какъ долгъ послушанія и подчиненія. Мы видѣли, что этотъ долгъ вовсе не налагается на ребенка въ суровой формѣ нѣкотораго рода рабства, но обусловливается въ значительной мѣрѣ нѣкоторыми положительными влеченіями и привязанностями. Этимъ въ существенной мѣрѣ облегчается задача—вызвать извѣстное внутреннее расположеніе въ отвѣтъ на чисто внѣшнее вліяніе авторитета. Но мы еще не видимъ отсюда, какимъ образомъ слагается у ребенка понятіе нравственной цѣнности. Правда присутствіе положительныхъ мотивовъ въ дѣтскомъ послушаніи уже даетъ ребенку почувствовать въ извѣстной формѣ цѣнность нравственнаго поступка, но это чувство еще не заключаетъ въ себѣ собственно нравственныхъ элементовъ, это—есть лишь удовольствіе удовлетво-

ренія извѣстныхъ альтруистическихъ склонностей. Только тогда, когда ребенокъ болѣе или менѣе близокъ къ понятію *объективнаго достоинства* извѣстныхъ поступковъ, или извѣстной личности ихъ совершающей, можно сказать, что онъ становится нравственнымъ существомъ. Какимъ же образомъ первоначально могутъ быть воспитаны эти понятія у ребенка, прежде, чѣмъ онъ пойметъ собственнымъ умомъ все ихъ внутреннее значеніе? Источникъ этого понятія опять таки нужно искать въ авторитетѣ окружающихъ лицъ. Прежде чѣмъ ребенокъ начнетъ понимать самъ, что хорошо и что дурно, онъ долженъ принять на вѣру подобныя понятія, руководствуясь тою оцѣнкою, какую даютъ извѣстнымъ предметамъ и лицамъ, и особенно ему самому его родители, воспитатели и другія лица. Можно сказать, что въ этомъ случаѣ на ребенка дѣйствуетъ своего рода общественное мнѣніе. Первоначальные корни этой чувствительности къ мнѣнію другихъ восходятъ такъ же далеко, какъ и первоначальныя формы дѣтскаго послушанія. Если можно сказать, что ребенокъ чувствуетъ первыя проявленія родительскаго авторитета въ извѣстнаго рода жестахъ и звукахъ голоса, угрожающихъ или поощряющихъ, то, съ другой стороны, можно сказать, что здѣсь же заключаются и первые уроки общественнаго мнѣнія, — потому что, разъ дитя въ извѣстной мѣрѣ чувствуетъ или понимаетъ значеніе этихъ жестовъ или звуковъ голоса, то онъ, слѣдовательно, уже воспринимаетъ то или другое отношеніе взрослыхъ къ своему поступку. По наблюденію Пере, дитя раньше года понимаетъ уже не только значеніе извѣстныхъ оттѣнковъ голоса—грубо-угрожающихъ или ласковыхъ, но даже значеніе такихъ словъ, какъ: *хорошій, славный, умникъ, или нехорошій, негодный* и т. п.,—съ которыми, смотря по обстоятельствамъ, обращаются къ нему взрослые ¹⁾. Одинъ ребенокъ десяти мѣсяцевъ принялся плакать, когда мать назвала его гадкимъ за то, что онъ мучилъ кошку ²⁾. Тринадцатимѣсячный ребенокъ обнаруживаетъ что-то похожее на раскаяніе, когда ему говорятъ: „Додди нехорошій!“ ³⁾ Съ

¹⁾ Perez, L'éducation morale dès le berceau, 103; Les trois premières années de l'enfant, 326. Ср. Preyer, Die Seele des Kindes, S. 459.

²⁾ Perez, L'éducation morale, ibidem.

³⁾ Compayrè, op. c., 288.

теченієм времени похвала и порицаніе въ умѣ ребенка тѣсно ассоціируются съ извѣстными поступками, и онъ уже самъ начинаетъ давать какъ себѣ самому, такъ и окружающимъ извѣстную оцѣнку. Тотъ же самый мальчикъ Додди (сынъ Дарвина), имѣя 2 года и 3 мѣсяца, отдаетъ своей сестрѣ единственный бывшій у него кусокъ сладкаго пирога и съ торжествующимъ видомъ восклицаетъ: „О, Додди добрый, Додди добрый!“ ¹⁾ Мальчикъ Тидемана 2½ лѣтъ, когда дѣлалъ что-нибудь, по его мнѣнію хорошее, говорилъ: „всѣ скажутъ: какой хорошій мальчикъ!“; а когда онъ вѣлъ себя дурно, то достаточно было ему сказать, что видятъ сосѣди, чтобы онъ измѣнилъ свое поведеніе ²⁾. Такимъ образомъ научается ребенокъ съ голоса окружающихъ давать себѣ и своимъ дѣйствіямъ ту или другую оцѣнку. Похвала и порицаніе мало по малу, по мѣрѣ развитія самосознанія у ребенка, помогаютъ ему усвоить понятія заслуги и достоинства съ одной стороны, — вины и проступка, съ другой. Самое наказаніе въ данномъ случаѣ важно потому, что оно не есть только причиненіе страданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе извѣстной оцѣнки, извѣстнаго мнѣнія старшихъ о поступкѣ ребенка, а это мнѣніе, какъ мы видѣли, ребенокъ начинаетъ цѣнить полусознательнымъ чутьемъ очень рано. Начавшись съ чисто пассивнаго, полумеханическаго воспріятія настроенія окружающихъ, пониманіе похвалы и порицанія создаетъ, такимъ образомъ, мало по малу въ началѣ только подражательную способность сужденія о достоинствѣ личностей и поступковъ, и дѣти 2—3 лѣтъ то и дѣло уже употребляютъ по отношенію къ своимъ и чужимъ дѣйствіямъ тѣ самыя мѣрки сужденія, которыя примѣняются къ нимъ со стороны взрослых ³⁾. Только въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, права мадамъ Неккеръ де-Соссюръ, когда говоритъ, что трехлѣтній ребенокъ уже имѣетъ идею добра и зла ⁴⁾. Называть эту идею въ строгомъ смыслѣ слова нравственною значило бы преувеличивать ея дѣйствительное достоинство. Тѣмъ не менѣе она стоитъ гораздо ближе къ области

¹⁾ Ibidem, 293.

²⁾ Ibidem, 296; *Ferez*, Les trois prem. années de l' enfant, 329.

³⁾ *Comptayrè*, *ibid.*, 294.

⁴⁾ Ibidem, 292.

подлинно нравственнаго, чѣмъ, напимѣръ, боязнъ наказанія и страданія, и это именно потому, что въ этой идеѣ содержится уже оцѣнка личности, понятіе о достоинствѣ и винѣ, хотя бы только въ зачаточной формѣ. Для того, чтобы понятія хорошій и дурной получили значеніе объективной оцѣнки, необходимо, чтобы ребенокъ научился придавать значеніе вещамъ независимо отъ субъективнаго удовольствія и страданія. Этому именно въ значительной мѣрѣ научает ребенка мнѣніе окружающихъ: отсюда ребенокъ впервые научается болѣе широкой точкѣ зрѣнія на цѣнность дѣйствій, чѣмъ та, которая ему подсказывается непосредственными реакціями его личнаго чувства. Онъ познаетъ, что не все то хорошо, что доставляетъ страданіе, и уже это отрицательное понятіе есть первый шагъ къ безкорыстному сужденію о достоинствѣ и цѣнности. Можетъ быть, что положительное содержаніе этого понятія крайне скудно и неопредѣленно, такъ какъ эта оцѣнка вещей принята, такъ сказать, на вѣру, но поскольку такая вѣра внушается въ объективной формѣ, она имѣетъ важное значеніе въ процессѣ образованія нравственнаго сужденія: ребенокъ приучается думать, что существуетъ извѣстный разрядъ дѣйствій, которыя хороши или дурны *сами по себѣ*, независимо отъ какихъ-либо частныхъ интересовъ. Можно сколько угодно спорить о томъ, имѣетъ ли такая терминологія смыслъ и какой именно, но, стоя на почвѣ фактовъ, нельзя игнорировать того, что эта именно точка зрѣнія дѣйствительно присуща нравственному сознанію, какъ нельзя, напимѣръ, отрицать того, что у насъ существуетъ идея субстанціи, хотя сколько-угодно можно спорить о томъ, имѣетъ ли эта идея какое-либо реальное значеніе. Въ виду этого мы должны признать важное значеніе того фактора, благодаря которому слагается мысль, что извѣстныя дѣйствія или, еще далѣе, настроенія хороши или дурны по самой своей природѣ, а не по отношенію къ какимъ-либо частнымъ интересамъ. Понятно, что не однѣ только похвалы и порицанія, обращенныя лично къ ребенку, имѣютъ здѣсь значеніе. По мѣрѣ того, какъ ребенокъ становится способенъ присматриваться къ тому, что его окружаетъ, онъ начинаетъ наблюдать, что извѣстный родъ дѣйствій вызываетъ одобреніе всегда, независимо отъ личности дѣятеля, а другой родъ дѣйствій, напротивъ, также неизмѣнно вы-

зываетъ порицаніе. Это обстоятельство какъ нельзя болѣе способствуетъ укрѣпленію и развитію мысли о присущей дѣйствіямъ объективной цѣнности.

Но уже у ребенка этотъ процессъ образованія объективныхъ мѣрокъ сужденія идетъ рука объ руку съ развитіемъ мышленія, точнѣе обобщающей дѣятельности ума. Понятіе объективной цѣнности поведенія неразрывно связано съ идеей нѣкоторыхъ *всеобщихъ законовъ и правилъ*, которымъ воля должна слѣдовать всегда, независимо отъ извѣстныхъ субъективныхъ настроеній и чувствъ. Но ребенокъ очевидно долженъ уже обладать способностью обобщенія для того, чтобы изъ отдѣльныхъ предписаній авторитета создавать нѣкоторыя общія правила. Наблюденія показываютъ, что эта способность приходитъ очень рано на помощь въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія ребенка. По наблюденію Прейера, способность къ отвлеченному мышленію проявляется у дѣтей весьма рано, въ виду чего этотъ психологъ рѣшительнымъ образомъ высказывается за прирожденность мыслительной способности ¹⁾. Съ этимъ вполне совпадаетъ наблюденіе проф. Сикорскаго, который говоритъ, что данная способность развивается у дѣтей уже на первомъ году жизни, задолго до появленія рѣчи ²⁾. Въ виду этого насъ не должно удивлять то обстоятельство, что уже трехлѣтній ребенокъ, какъ говоритъ мадамъ Неккеръ де-Соссюръ, „признаетъ общій для всѣхъ законъ“ ³⁾. Склонность создавать общія правила изъ отдѣльныхъ случаевъ у дѣтей развита до необычайныхъ размѣровъ. Селли утверждаетъ, что дѣти имѣютъ врожденное уваженіе къ обычаю, ко всему тому, что имѣетъ видъ общаго правила жизни и поведенія. „Это, продолжаетъ психологъ, не есть только подражательное отраженіе привычекъ другихъ или принятыхъ ими правилъ жизни. Мы вполне готовы допустить, что строй соціальной жизни, правильное чередованіе ежедневныхъ домашнихъ привычекъ, при содѣйствіи родительской дисциплины, много способствуютъ укрѣпленію въ умѣ ребенка идеи порядка и регулярности.

¹⁾ *Preyer, Die Seele des Kindes, 468—473.*

²⁾ *Проф. Сикорскій, Сборникъ научно-литературныхъ статей. Кн. II. Кіевъ. 1899. Стр. 69 сл.*

³⁾ *Comptage, op. c. 212.*

Но въ то же время мы думаемъ, что сверхъ того здѣсь существуетъ естественное расположеніе всегда сообразоваться съ прецедентомъ и съ правиломъ, расположеніе, предшествующее воспитанію и являющееся одною изъ силъ, которыми можетъ пользоваться воспитатель. Оно—это расположеніе имѣть свое основаніе въ „привычкѣ“, которая, очевидно, составляетъ законъ всякой жизни, но оно превосходитъ это слѣпое естественное побужденіе въ томъ отношеніи, что оно соединено съ рефлексіей и разумомъ и заключаетъ въ себѣ признаніе нѣкотораго универсальнаго порядка¹⁾. Это именно уваженіе къ нѣкотораго рода универсальному и неприкосновенному закону сказывается, по мнѣнію Селли, въ горячихъ протестахъ дѣтей противъ всякаго рода несправедливости и пристрастія воспитателей; оно сказывается въ раскаяніи дѣтей послѣ совершенія дурныхъ поступковъ; его можно даже прослѣдить въ стремленіи дѣтей оправдать и извинить свои поступки, когда предполагается, что, если бы они дѣйствительно были виновны въ данномъ проступкѣ, то заслуживали бы наказанія²⁾. Этимъ же объясняется склонность дѣтей изъ каждаго прецедента создавать правило жизни. „Первое еще несовершенно проявленіе этой тенденціи все подводитъ подъ правило, сдѣлать жизнь рациональною, подчиняя ее общей методѣ, сказывается въ мелочахъ, въ которыхъ первоначально видятъ только машинальное отправленіе привычки; когда напри- мѣръ, ребенокъ настаиваетъ, чтобы слѣдовали привычному порядку относительно времени обѣда. Одна мать сообщаетъ о своемъ пятилѣтнемъ сынѣ, что онъ требуетъ крайнеи пунктуальности въ соблюденіи самыхъ мелкихъ обычныхъ подробностей жизни: его чашка и ложка должны находиться всегда совершенно на одномъ и томъ же мѣстѣ; порядокъ дневныхъ занятій, урокъ передъ прогулкою и прогулка передъ сномъ—должны быть строго соблюдаемы. Всякое нарушеніе этого ежедневнаго порядка казалось ему чѣмъ-то вродѣ *нечестія*“³⁾. Изъ полученныхъ ими уроковъ и пред-

¹⁾ Sully, *Études sur l'enfance*, 387—388.

²⁾ Ibidem, 383 сл.

³⁾ Sully, *Op. c.*, 388—392; ср. *Perez*, *Les trois prem. années de l'enfant*, 327—328.

писаній дѣти очень быстро создаютъ всеобщій законъ. 23-хъ-мѣсячный сынъ Тидемана, наказанный за то, что нагрязнилъ въ комнатѣ, черезъ недѣлю, проходя около того же мѣста, заявляетъ, что всякій, кто нагрязнитъ въ комнатѣ, долженъ быть прибитъ ¹⁾. Одинъ мальчикъ 2 лѣтъ и одного мѣсяца, по приказанію отца, отдалъ однажды свои старыя игрушки дѣтямъ садовника. Нѣкоторое время спустя, получивъ новыя игрушки онъ откладываетъ въ сторону старыя, чтобы отдать ихъ другимъ дѣтямъ ²⁾. Обязательность полученныхъ ими предписаній дѣти очень быстро распространяютъ на весь окружающій ихъ міръ—на своихъ родителей и воспитателей, на товарищей своихъ игръ и даже на своихъ куколъ. Одинъ мальчикъ, на котораго отецъ, выведенный изъ терпѣнія его непослушностью, закричалъ, обратился съ своей стороны къ отцу съ увѣщаніемъ: „ты не долженъ говорить такъ, Артуръ (имя отца), ты долженъ говорить вѣжливо“ ³⁾. Можно бы было заподозрить въ этомъ отвѣтъ уловку лицемерія, если бы другіе факты не показывали, что нарушеніе старшими правилъ, преподанныхъ дѣтямъ, можетъ дѣйствительно шокировать послѣднихъ. Прейеръ рассказываетъ о ребенкѣ (на 33-мъ мѣсяцѣ), который обнаруживалъ признаки живѣйшаго протеста, когда его нянька не соблюдала данныхъ ему предписаній ⁴⁾. Случается даже, что дѣти настаиваютъ на соблюденіи правилъ, совсѣмъ для нихъ невыгодныхъ. Таковы случаи, когда дѣти сами требуютъ себѣ извѣстныхъ наказаній за свои проступки, руководствуясь извѣстными прецедентами. Такъ напримѣръ, дѣвочка М., менѣе, чѣмъ 2-хъ лѣтъ, приходила къ своей матери, чтобы признаться ей въ своей винѣ, и говорила сама, какого наказанія она заслуживаетъ. Въ другихъ случаяхъ дѣти сами настаиваютъ на томъ, чтобы имъ не давали лакомствъ на томъ основаніи, что это запрещено ихъ родителями ⁵⁾. Такимъ образомъ, на основаніи единичныхъ случаевъ дѣти быстро создаютъ себѣ нѣкоторыя общія правила, пріобрѣтаютъ понятія о томъ, что *должно* и чего *не-*

¹⁾ *Compayre*, op. c., 284.

²⁾ *Sully*, *ibid*, 392.

³⁾ *Sully*, *ibid.*, 396.

⁴⁾ *Preyer*, *Die Seele des Kindes*, S. 287.

⁵⁾ *Sully*, op. c. 397, 393—394.

должно дѣлать ¹⁾. Это понятіе, какъ бы оно ни было несовершенно, во всякомъ случаѣ стоитъ очень близко къ области подлинно нравственнаго. „Правило, говорить Селли, легко представляется воображенію дѣтей, какъ что-то *высшее* и страшное, передъ чѣмъ они должны *преклоняться*“ ²⁾. Такимъ образомъ тотъ родъ чувствъ, который считаютъ дѣти къ воспринятымъ ими правиламъ, есть нѣчто, весьма похожее на нравственное чувство взрослого человѣка. Безъ сомнѣнія эта мысль о должномъ и недолжномъ постепенно совершенствуется по мѣрѣ того, какъ дѣти научаются дѣлать различіе между правилами, которыя имѣютъ въ виду только ихъ возрастъ, и такими, которыя дѣйствительно имѣютъ универсальный характеръ, обязательность которыхъ простирается на всѣхъ и признается всѣми.

Далеко не однимъ, конечно, размышленіемъ приходятъ дѣти къ усвоенію нѣкоторыхъ общихъ нормъ, общихъ правилъ и требованій, которымъ должна быть подчинена жизнь. Можетъ быть гораздо большую роль, чѣмъ отвлеченное мышленіе въ собственномъ смыслѣ слова играютъ въ данномъ случаѣ психическіе факторы менѣе сознательнаго характера. Среди нихъ громадное значеніе имѣетъ дѣтская подражательность. Эта черта обнаруживается у дѣтей очень рано и имѣетъ громадное значеніе въ ихъ жизни. Уже на четвертомъ мѣсяцѣ, т. е. приблизительно въ то самое время, какъ пробуждается въ собственномъ смыслѣ слова сознательная жизнь, ребенокъ обнаруживаетъ стремленіе воспроизводить простѣйшія движенія окружающихъ ³⁾. Въ послѣдней четверти перваго года подражательныя дѣйствія становятся болѣе многочисленны, сложны и интересны: такъ, дѣвочка, которую наблюдалъ Прейеръ, въ этомъ возрастѣ забавнѣйшимъ образомъ повторяла дѣйствія своей няньки въ своемъ обращеніи съ куклой, которую она мыла, наказывала, баюкала и т. п. На второмъ году ребенокъ уже старательно воспроизводитъ, насколько это ему доступно, самыя разнообразныя дѣйствія окружающихъ: дѣлаетъ видъ, что онъ читаетъ газету или книгу, пишетъ, поетъ, причесывается.

¹⁾ Ср. Baldwin, Das sociale und Sittliche Leben, 223, 238—239 и др.

²⁾ Sully, op. c., 393.

³⁾ Preyer, Die Seele des Kindes, 222.

шьеть, курить и т. д; онъ усвоиваетъ, такимъ путемъ рядъ дѣйствій, необходимыхъ или принятыхъ въ обыденной жизни: дѣлаетъ попытки самостоятельно ѣсть, умываться, кланяться и пр. ¹⁾. Было бы неправильно видѣть во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ результатъ сознательныхъ усилій воли. Первые попытки подражанія имѣють скорѣе полуавтоматическій характеръ. „Существуетъ, говоритъ Компайре, естественная, фатальная необходимость, которая заставляетъ ребенка согласоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ дѣйствіями другого, поступать по примѣру другихъ, и это не только помимо размышленія и желанія, но даже помимо сознанія“ ²⁾. Конечно, подражательность сама по себѣ вовсе не есть достоинство. Напротивъ у взрослого человѣка она скорѣе недостатокъ, выраженіе духовной слабости, отсутствія личной инициативы и оригинальности: подобнаго рода люди являются какъ эхомъ окружающихъ во всемъ, что они говорятъ, думаютъ и дѣлають. Но для дѣтей, которые, явившись на свѣтъ, имѣють первую задачею приспособленіе къ окружающей средѣ, къ условіямъ жизни и усвоеніе плодовъ предшествующаго человѣческаго опыта, подражательность является великимъ даромъ природы, безъ котораго не было бы возможно воспитаніе. Лишь при помощи подражанія человѣкъ не только научается ходить, говорить, удовлетворять всѣмъ своимъ повседневнымъ потребностямъ, но также — надлежащимъ образомъ мыслить и чувствовать, а также жить жизнью достойною нравственного существа. На этомъ именно основывается значеніе нравственного примѣра, столь громадное въ дѣтскомъ возрастѣ. Примѣръ дѣйствуетъ на ребенка неотразимо первоначально даже помимо воли и сознанія; въ болѣе сознательномъ возрастѣ онъ привлекаетъ и очаровываетъ вниманіе ребенка своею непосредственною силою, помимо отчетливаго обсужденія достоинствъ избраннаго для подражанія образца. Въ числѣ предметовъ для своего подражанія ребенокъ, достигшій извѣстной степени наблюдательности, находитъ между прочимъ извѣстныя нормы поведенія, съ которыми стараются сообразоваться окружающіе, извѣстнаго рода мѣрки нравственного сужде-

¹⁾ *Preyer*, *ibid.*, 223—227.

²⁾ *Compaire*, *op. c.*, 181.

нія,—все это усваивается ребенкомъ незамѣтно и непринужденно. Когда какія-либо правила уже преподаны ребенку по поводу его собственныхъ дѣйствій, то подражаніе только облегчаетъ выполненіе требованія, имѣющаго за себя и другія гарантіи, которыми располагаетъ воспитаніе. Такимъ образомъ, подражаніе становится однимъ изъ условій, благодаря которымъ ребенокъ приучается преодолевать непосредственныя побужденія и порывы во имя требованій высшаго, для всѣхъ обязательнаго правила. При этомъ, благодаря тому, что подражаніе связано съ личностью своего объекта, оно становится источникомъ особаго рода душевныхъ состояній, которыя имѣютъ много общаго съ созиданіемъ идеаловъ. Такъ какъ дитя можетъ лишь въ несовершенной формѣ воспроизводить дѣйствія взрослыхъ, то неизбежно возникаетъ такое отношеніе къ послѣднимъ, при которомъ они представляются ребенку недостижимыми образцами, вѣнцомъ и цѣлю всѣхъ усилій его слабой активности. Подражаніе есть дѣйствіе симпатическое: нельзя подражать тому, что отталкиваетъ, потому что самый фактъ подражанія доказываетъ привлекательность даннаго образца поведенія. Вотъ почему совершенно естественно, что среди всѣхъ этихъ образцовъ особенно выдѣляются нѣкоторыя лица, привлекающіе къ себѣ сердце ребенка любовью и въ тоже время внушающіе ему особое уваженіе, каковыми преимущественно являются родители. Совмѣщая въ своемъ лицѣ для ребенка высшій законъ и высшій идеаль, они, какъ мы уже имѣли случай говорить, внушаютъ ребенку чувства, имѣющія ближайшее сродство съ нравственной оцѣнкой въ ея отвлеченномъ видѣ. По мѣрѣ того, какъ ребенокъ растетъ, его идеалы развиваются, становятся выше и выше. Онъ узнаетъ изъ рассказовъ окружающихъ, что есть люди и другія, высшія существа, далеко превосходящіе окружающихъ его лицъ; таковы рассказы о какихъ-нибудь выдающихся герояхъ, о святыхъ, наконецъ о Богѣ ¹⁾. Всѣ эти рассказы оказываютъ сильное вліяніе на юное воображеніе, глубоко затрагиваютъ мысль и чувство и, такимъ образомъ становятся въ той или иной мѣрѣ образцами дѣятельности. Такіе образцы имѣютъ

¹⁾ Ср. *Baldwin*, Le developpement mental chez l'enfant et dans la race. Paris. 1897. 314—317. Das sociale und sittliche Leben. K. I, § 3.

то преимущество передъ окружающими ребенка лицами, что, представляясь чуждыми всякихъ недостатковъ, они еще болѣе повышаютъ чувства, питаемые къ образцу поведенія, окружая его блестящимъ ореоломъ возвышеннаго, недосягаемо-великаго, священнаго, несомѣстимаго ни съ чѣмъ низменнымъ, дурнымъ, со всѣмъ тѣмъ, изъ чего слагается понятіе зла.

Въ связи съ подраженіемъ нужно поставить еще одинъ рядъ явленій, вѣроятно, имѣющихъ важное значеніе въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія ребенка, — это явленія такъ называемаго психическаго зараженія. Самое подраженіе уже нѣкоторые относятъ къ этому именно разряду фактовъ ¹⁾. Подъ именемъ подражанія собственно разумѣется воспроизведеніе чужихъ дѣйствій. Но въ дѣйствительности чело-вѣкъ склоненъ усвоить не одни только дѣйствія, но и всѣ состоянія окружающихъ: онъ заражается ихъ весельемъ, печалью, страхомъ, отвагой и т. п. Иногда эта зараза можетъ принимать явно болѣзненный характеръ, выражаясь въ распространеніи нервно-психическихъ заболѣваній, самоубійства, а также болѣзненной паники, ожесточеннаго религіознаго фанатизма или мономаніи и т. п. Лишь тридцать и болѣе тому назадъ понятіе заразы по отношенію къ этимъ явленіямъ принимало настолько матеріальный смыслъ, что иногда серіозно задавались вопросомъ, не существуетъ ли здѣсь какихъ-либо болѣзнетворныхъ міазмъ, какъ и въ заразительныхъ болѣзняхъ ²⁾. Болѣе глубокое изученіе явленій психическаго автоматизма, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ научной разработки гипнотическихъ явленій, заставило обратиться къ другому объясненію фактовъ психической заразы. Въ основѣ ея, какъ нужно полагать, лежитъ тѣсная связь между психическимъ состояніемъ и его внѣшнимъ выраженіемъ. Будучи склоненъ непроизвольно воспроизводить движенія и вообще внѣшнія выраженія чувствъ, чело-вѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ невольно подчиняется вліянію

¹⁾ Такъ Жоли пишетъ: „подражаніе есть настоящая зараза, имѣющая свой принципъ въ примѣрѣ подобно тому, какъ оспа получаетъ свою заразительность отъ передающаго ее яда“. См. *Rambosson, Phénomènes nerveux, intellectuels et moraux, leur transmission par contagion.* Paris. 1883. P. 197.

²⁾ *Rambosson*, *op.* с. 201.

чужого чувства. Но отсюда ясенъ выводъ, что чѣмъ болѣе человѣкъ склоненъ къ подражанію, тѣмъ онъ легче будетъ заражаться чужими чувствами. Этимъ объясняется, почему дѣти такъ рано начинаютъ подчиняться вліянію чужого настроенія черезъ посредство извѣстныхъ жестовъ или интонацій голоса. Но такъ какъ нѣтъ ни одного чувства, которое не выражалось бы такъ или иначе во-внѣ, въ мимикѣ, въ тонѣ голоса и т. п., то мы должны допустить, что ребенокъ подчиняется вліянію психическаго міра окружающихъ его лицъ болѣе интимнымъ и непосредственнымъ образомъ, чѣмъ это обыкновенно принято думать. Конечно это вліяніе начинается съ чувствъ болѣе простыхъ и элементарныхъ и постепенно восходитъ къ болѣе высокимъ и сложнымъ: это зависитъ отъ того, что природная нервно-психическая организація ребенка является еще далеко незаконченною въ своемъ построеніи при появленіи ребенка на свѣтъ ¹⁾. Но съ теченіемъ времени онъ становится способенъ къ непосредственному усвоенію всѣхъ наиболѣе тонкихъ психическихъ состояній. Вотъ почему мы можемъ думать, что нравственныя настроенія и чувства могутъ до извѣстной степени непосредственно сообщаться ребенку извѣстнаго возраста со стороны взрослыхъ, поскольку конечно это позволяетъ неуловимая тонкость выражений подобнаго рода чувствъ и настроеній. Само собою понятно, что это явленіе возможно только подъ условіемъ извѣстныхъ данныхъ, заключающихся въ самой организаціи ребенка, но это условіе, какъ мы знаемъ, само собою подразумѣвается, когда мы говоримъ о вліяніи среды на воспитаніе нравственнаго чувства у дѣтей.

Мы указали главные факторы, имѣющіе значеніе въ первоначальномъ пробужденіи и воспитаніи нравственнаго сознанія индивида въ первый періодъ его жизни. При этомъ, какъ мы видѣли, дѣло зависитъ не только отъ извѣстныхъ внѣшнихъ вліяній, но и отъ восприимчивости ребенка къ этимъ вліяніямъ, слѣдовательно, отъ особенныхъ свойствъ дѣтской натуры: дитя легко подчиняется вліянію авторитета и мнѣнію окружающихъ, оно обобщаетъ отдѣльные уроки въ общія правила и законы, оно наконецъ не можетъ

¹⁾ Ср. проф. Сикорскій, *опр. с.*, стр. 5—6.

противостоятъ дѣйствию примѣра и очень воспріимчиво по отношенію къ психическому настроенію окружающихъ лицъ. Всѣ эти черты не имѣютъ ли чего-нибудь общаго между собою, не сводятся ли онѣ къ какому-либо одному свойству дѣтской природы? Несомнѣнно, что, помимо многихъ положительныхъ задатковъ, присущихъ природѣ ребенка, здѣсь имѣетъ значеніе одно отрицательное качество, это то, что часто называютъ слабостью дѣтской природы, которая мягка какъ воскъ и охотно идетъ на встрѣчу внѣшнимъ вліяніямъ, легко приспособляясь къ нимъ не только внѣшне но и внутренне. Намъ кажется, что эта черта позволяетъ намъ сблизить до извѣстной степени психическое состояніе ребенка съ психическимъ состояніемъ лицъ, подвергающихся воздѣйствію гипнотизера, а самое нравственное воспитаніе съ гипнотическимъ внушеніемъ. На самомъ дѣлѣ, чѣмъ именно характеризуется психическое состояніе загипнотизированнаго субъекта? Одинъ изъ изслѣдователей гипнотизма называлъ загипнотизированнаго субъекта „функционально обезглавленным“ ¹⁾. Гипнотическое состояніе характеризуется прекращеніемъ функцій высшихъ, регулирующихъ психическую жизнь центровъ сознанія и мозгового аппарата и протекающимъ отсюда особымъ состояніемъ ума и воли. Высшіе центры нервно-психической жизни находятся у такого субъекта въ состояніи оцѣпенѣнія, или *ингибиціи*, вслѣдствіе чего вступаютъ въ силу низшіе центры, которые могутъ управлять лишь съ автоматическою точностью и совершенствомъ отдѣльными рядами психическихъ актовъ. Такимъ образомъ, здѣсь отсутствуетъ высшій психическій контроль и то умѣряющее дѣйствіе, которое, по наблюденію физиологовъ, высшіе центры всегда оказываютъ на низшіе, уменьшая интенсивность рефлекторныхъ движеній и проявленій психологическаго автоматизма. Отсюда вытекаетъ особое, въ высшей степени интересное, состояніе ума и воли сомнамбула. Это, по выраженію Карпентера, мыслящій автоматъ. Его духъ слѣпо подчиняется господству извѣстной, временно овладѣвшей имъ идеи. У него нѣтъ силы судить о согласіи этой идеи съ дѣйстви-

¹⁾ Дюваль, у *Гилярова*, Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы. Стр. 355.

тельными фактами. Онъ не можетъ самъ по себѣ направлять потокъ своихъ мыслей, такъ какъ у него нѣтъ способности къ самоуправленію. Поэтому на немъ, какъ на музыкальномъ инструментѣ играютъ окружающіе, при чемъ онъ мыслить, чувствуетъ, говорить, дѣйствуетъ, какъ желаютъ, чтобы онъ мыслилъ, чувствовалъ, говорилъ или дѣйствовалъ ¹⁾. Въ головѣ человѣка бодрствующаго множество прибрѣтенныхъ опытовъ, идей другъ друга задерживаютъ и провѣряютъ; права каждой идеи, такъ сказать ограничены со стороны другихъ идей; каждая подлежитъ критикѣ, и каждая занимаетъ то мѣсто, которое принадлежитъ ей по ея относительному значенію среди другихъ идей. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ въ гипнотическомъ снѣ: здѣсь умъ человѣка какъ бы на время превращается въ *tabula rasa*, на которой гипнотизеръ можетъ написать, что ему вздумается. Зато вся душевная энергія загипнотизированнаго сосредоточивается на внушаемыхъ идеяхъ и состояніяхъ, и потому онѣ, вопреки общему душевному усыпленію прибрѣтаютъ необычайную интенсивность: внушенные образы получаютъ необычайную яркость и живость, движенія дѣлаются поразительно вѣрны и искусны, дѣятельность ощущеній или воспоминаній, направленныхъ гипнотизеромъ на извѣстные предметы, достигаетъ невѣроятной степени интенсивности ²⁾. „Умъ у сомнабуль говоритъ Рише, не разрушенъ: онъ спитъ. Сомнабулу можно себѣ представить, какъ индивида, помѣщеннаго въ пустынь, гдѣ полная тишина и безусловное молчаніе. Пусть тогда какое-нибудь раздраженіе поразитъ его чувства: это раздраженіе, которое прошло бы незамѣченнымъ въ освѣщенной и шумной залѣ спектакля, становится всемогущимъ у обособленнаго индивида. Вотъ почему у самнабуль слабыя раздраженія, незначительныя внушенія становятся точкой отправленія для ужасающаго ряда концепцій воображенія“ ³⁾. Съ извѣстной точки зрѣнія состояніе сомнамбула можетъ быть охарактеризовано, какъ состояніе необычайной послушности и довѣрчивости.

¹⁾ *Carpenter, Principles of mental physiology*, p. 553.

²⁾ *Richer, Etudes cliniques sur la grande hystérie ou hystéro-épilepsie*. 659—666.

³⁾ *Гиляровъ*, *оп. с.*, 352—353.

Лица, хорошо подчиняющіяся внушенію, исполняютъ всѣ приказанія гипнотизера и съ довѣріемъ принимаютъ все, что имъ говорятъ ¹⁾. По словамъ Бернгейма, довѣріе ко всякой внушаемой какимъ бы то ни было образомъ идеѣ есть первоначальное и естественное состояніе каждаго нормальнаго человѣка, и только опытъ, показывающій, что далеко не всякая идея соотвѣтствуетъ дѣйствительности, приучаетъ насъ критически относиться ко всякому внушенію. Если я кому-нибудь скажу: у васъ на лбу муха; то онъ мнѣ повѣритъ, пока не произведетъ провѣрки, потому что онъ не имѣетъ никакого основанія мнѣ не вѣритъ. Идея, введенная въ мозгъ, становится внушенною. Но если этотъ субъектъ убѣдится, что я его обманулъ, онъ уже потеряетъ довѣріе ко мнѣ; и если я позднѣе попытаюсь ему снова внушить ту же самую идею, то онъ уже не приметъ ея ²⁾. Этой именно провѣрки, этого сопоставленія опытовъ и идей не достаетъ загипнотизированному субъекту. Несомнѣнно, что психическое состояніе ребенка не можетъ быть названо тождественнымъ съ состояніемъ искусственнаго сомнамбулизма, но оно имѣетъ съ этимъ послѣднимъ много сроднаго, что проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на тѣ условія, благодаря которымъ воспитывающее воздѣйствіе окружающей среды въ дѣтскомъ именно возрастѣ является особенно глубокимъ. Высшіе центры нервно-психической дѣятельности у ребенка не находятся въ состояніи искусственнаго усыпленія или оцѣпенѣнія, но они являются недѣятельными вслѣдствіе причинъ естествен-

¹⁾ Больной, приведенной въ состояніе каталепсіи, напримѣръ говорятъ, что она находится въ саду, наполненномъ цвѣтами, и она тотчасъ же оживляется, восклицая: „какъ они хороши!“; затѣмъ собираетъ воображаемые цвѣты, дѣлаетъ изъ нихъ букетъ, который прикалываетъ къ корсажу и т. д. Но въ это время обращаютъ ея вниманіе на то, что на цвѣтѣ, который она держитъ въ рукѣ, сидитъ улитка. Тотчасъ же ея восхищеніе уступаетъ мѣсто отвращенію, она бросаетъ цвѣтокъ и усиленно утираетъ руки фартукомъ.—По волѣ экспериментатора больной принимаетъ стеклянку за ножъ или веревку, звукъ колокола за военную музыку, нашатырный спиртъ за духи, хининъ за землянику и т. д., воображаетъ себя самого стекляннымъ, восковымъ, гуттаперчевымъ, причемъ начинаетъ вести себя сообразно съ такимъ представленіемъ и т. д. *Richer, Etudes cliniques sur la grande hystérie et hystéro-épilepsie*, 697 слл., 728 слл.

²⁾ *Bernheim, Hypnotisme, suggestion, psychotherapie. Paris. 1891. pp. 25.*

ныхъ, вслѣдствіе того, что самое строеніе головного мозга еще не вполне закончено. „Что между умственнымъ и физическимъ развитіемъ существуетъ строгое соотношеніе, говоритъ проф. Сикорскій,—это знали давно, но весь смыслъ этой истины сдѣлался для насъ болѣе понятнымъ, болѣе осязательнымъ только теперь, только съ того времени, когда шагъ за шагомъ, путемъ точнаго анализа врачи и психологи прослѣдили развитіе нервной системы и ея проявленій у растущаго ребенка.... Микроскопъ показываетъ намъ, что ко времени рожденія ребенка на свѣтъ построеніе его мыслительнаго органа далеко не закончено: оно готово только вчернѣ, если можно такъ выразиться. Въ самомъ дѣлѣ, въ мозгу новорожденнаго еще не достаетъ цѣлыхъ слоевъ нервныхъ клѣтокъ; еще эти нервныя клѣтки не получили отростковъ и остаются несоединенными между собою; еще миллионы тончайшихъ нервныхъ волоконцевъ, не покрыты изолирующей оболочкой и не могутъ исполнять службу проводниковъ“. Неудивительно поэтому, что психическая жизнь ребенка въ первое время находится въ зачаточномъ состояніи и сводится къ явленіямъ автоматическаго характера: ребенокъ „воспринимаетъ зрительныя и др. впечатлѣнія, какъ фотографическая пластинка воспринимаетъ свѣтъ, но у него еще нѣтъ никакой мысли, никакого пониманія. Всѣ его движенія.... носятъ характеръ *рефлекторныхъ автоматическихъ* актовъ, т. е. совершаются машинообразно, подобно бѣженію сердца или дыханію“¹⁾. Такимъ образомъ, можно сказать въ извѣстномъ смыслѣ слова, что ребенокъ первое время жизни весь находится во власти внушенія: насколько позволяетъ состояніе его недоразвившагося и неусовершенствованнаго упражненіемъ мозга, всякое внѣшнее впечатлѣніе производитъ въ немъ автоматически извѣстнаго рода послѣдствія; дѣятельность высшихъ, задерживающихъ рефлексы центровъ совсѣмъ отсутствуетъ. Но даже и тогда, когда ребенокъ достигаетъ вполне сознательнаго существованія, его умъ и воля еще не отличаются достаточною устойчивостью, чтобы господствовать надъ впечатлѣніями и подвергать ихъ извѣстному контролю. Помимо причинъ физиологическихъ, здѣсь неизбѣжно сказываются причины чи-

¹⁾ Сикорскій, оп. с., стр. 5 слл.

сто психологического характера. Прежде всего отсутствие или слабость психического контроля надъ впечатлѣніями и непосредственно вызываемыми ими ассоціаціями есть уже неизбежное слѣдствіе недостатка опыта: у взрослого человека каждая возникающая идея или впечатлѣніе сталкивается съ массою другихъ идей ранѣе приобрѣтенныхъ, и, благодаря взаимодействию съ ними, занимаетъ свое надлежащее мѣсто въ психической жизни; то, что мы называемъ обдумываніемъ, есть эта именно борьба идей, направляемая вниманіемъ. Но понятно само собою, что этотъ процессъ не можетъ совершаться у дѣтей съ надлежащею правильною, именно благодаря скудости идей, опредѣленныхъ познаній и воплѣтѣ сложившихся опредѣленныхъ сочетаній идей. Благодаря отсутствію или слабости противодѣйствія со стороны ранѣе приобрѣтенныхъ опытовъ, каждое новое впечатлѣніе стремится всецѣло овладѣть сознаніемъ ребенка, сосредоточить на себѣ всю его душевную энергію, подобно тому, какъ вниманіе загипнотизированныхъ сосредоточено на одной идее или на одной какой-либо частичной области его психической жизни. Каждое новое впечатлѣніе до такой степени поработываетъ вниманіе ребенка, что, по выраженію Пере, наблюдающій субъектъ, кажется, менѣе принадлежитъ себѣ, чѣмъ наблюдаемому объекту. Но это вниманіе, столь легко поглощаемое, не есть очевидно активное вниманіе, необходимое для высшаго психического контроля. Недостатокъ активного вниманія, на ряду съ скудостью опыта, является другою причиною неустойчивости и впечатлительности дѣтскаго ума. По мнѣнію Компайре, даже у ребенка 4—5 лѣтъ нѣтъ еще активного вниманія въ полномъ смыслѣ слова. Вслѣдствіе этого душа ребенка представляетъ собою какъ бы открытый домъ, куда проникаетъ всякій, кто желаетъ ¹⁾. Изъ всего этого мы можемъ видѣть, что умственное состояніе дѣтей представляетъ много аналогичнаго съ тѣмъ, что наблюдается у субъектовъ, всецѣло находящихся подъ властью внушенія. То же самое нужно сказать и относительно воли ребенка. Слабость ея сказывается уже въ недостаткѣ произвольнаго вниманія у ребенка, потому что,

¹⁾ *Compayré*, L'évolution intellectuelle et morale de l'enfant, 161 sqq., 171.

какъ справедливо говоритъ Прейеръ, „каждый актъ воли требуетъ вниманія, и всякое сосредоточеніе вниманія есть уже актъ воли“ ¹⁾. Но не въ одномъ только недостаткѣ произвольнаго вниманія проявляется слабость дѣтской воли: объ этомъ же свидѣлствуетъ крайняя уступчивость дѣтей всякимъ внѣшнимъ вліяніямъ, и полное отсутствіе внутренней устойчивости, благодаря которымъ душа ребенка, какъ и душа загипнотизированнаго, въ значительной мѣрѣ можетъ быть уподоблена музыкальному инструменту, производящему тѣ именно звуки, которые хочетъ извлечь изъ него искусный музыкантъ. Вотъ почему Прейеръ прямо сближаетъ душевное состояніе ребенка съ состояніемъ загипнотизированныхъ взрослыхъ. „Поразительное легковѣріе, перемчивость, угодливость, послушность и проявляющаяся во многихъ другихъ чертахъ незначительная устойчивость воли маленькихъ дѣтей, говоритъ этотъ авторъ, напоминаютъ поведеніе загипнотизированныхъ взрослыхъ. Если я 2½ лѣтнему ребенку, послѣ того какъ онъ уже нѣсколько поѣлъ, но только что приготовился еще откусить новый кусокъ отъ своего сухаря, категорически, совершенно не мотивируя, съ увѣренностью, не допускающей противорѣчій, очень громко, но такъ, чтобы не испугать его, говорю: теперь ребенокъ сытъ, то по большей части онъ тотчасъ же удаляетъ ото рта сухарь, не откусивъ отъ него, кладетъ его на столъ и вообще кончаетъ свою ѣду. Даже трехъ и четырехъ-лѣтнимъ дѣтямъ легко внушить мысль, что боль (послѣ какого-нибудь удара) прошла, что они не устали, не хотятъ ѣсть или пить“ ²⁾. Мы видимъ, такимъ образомъ, что довѣрчивость ребенка часто простирается почти до такой же степени, какую мы видимъ у загипнотизированныхъ: ребенка, какъ и загипнотизированнаго, легко заставить вѣрить тому, чего нѣтъ въ дѣйствительности. Все это свидѣлствуетъ о близкой параллели, существующей между душою ребенка и душевнымъ состояніемъ загипнотизированнаго. Въ пользу этого говорить также и то обстоятельство, что дѣти дѣйствительно очень склонны подвергаться дѣйствию гипноза: статистическая таблица, составленная Бони, показываетъ,

¹⁾ *Preyer*, *Die Seele des Kindes*, 267.

²⁾ *Preyer*, *ibid*, 267—268

что дѣти до 14 лѣтъ въ той или иной степени всѣ безъ исключенія подчиняются вліянію внушенія, между тѣмъ какъ въ другихъ возрастахъ всегда есть значительный процентъ лицъ, остающихся внѣ всякаго вліянія гипнотизера ¹⁾.

Только что описанное состояніе души ребенка объясняетъ намъ силу и способъ вліянія тѣхъ факторовъ воспитанія, о которыхъ мы выше вели рѣчь. Теперь мы ясно можемъ видѣть еще разъ односторонность того мнѣнія, которое сводитъ силу вліянія авторитета къ страху наказанія. Даже прежде чѣмъ ребенокъ научится понимать связь извѣстныхъ дѣйствій съ наказаніями и сознательно избѣгать этихъ послѣднихъ, онъ, по свойственной ему эластичности натуры, идетъ на встрѣчу всякому внѣшнему вліянію, подчиняясь ему не только внѣшне, но и внутренно, въ одинаковой мѣрѣ—будетъ ли это прямое приказаніе, или только выраженіе одобренія и порицанія. Подобно тому, какъ у загипнотизированныхъ субъектовъ каждое внушенное дѣйствіе пріобрѣтаетъ форму свободнаго поступка, каждая внушенная идея представляется субъекту, какъ его собственная; такъ воспитывающее воздѣйствіе среды легко находитъ внутренній откликъ въ душѣ ребенка, создавая въ немъ до извѣстной степени внутреннее влеченіе къ осуществленію извѣстныхъ нормъ поведенія. Къ этому въ значительной мѣрѣ также сводится то прирожденное уваженіе къ порядку и универсальному закону, о которомъ говорилось выше. Понятно само собою, что та склонность къ обобщеніямъ, о которой говорятъ психологи, и образцы которой мы приводили, не можетъ быть результатомъ сознательной работы размышленія, отвлеченія и построенія общихъ понятій; этотъ процессъ представляетъ собою лишь инстинктивное, автоматическое распространеніе разъ внушенной опытомъ идеи на всѣ послѣдующіе болѣе или менѣе сходные случаи. Подобнымъ же образомъ и внушенное ребенку правило поведенія оказываетъ на него глубокое вліяніе и часто какъ бы самопроизвольно стремится къ осуществленію въ послѣдующихъ случаяхъ, слѣдствіемъ чего и является та наклонность къ соблюденію принятаго порядка, то уваженіе

¹⁾ Гиляровъ, оп. с. 42.

ко всякому прецеденту, который какъ часто наблюдаются у дѣтей: разъ повторились условія, при которыхъ дано было извѣстное приказаніе, послѣднее самопроизвольно возражается въ умѣ ребенка, и по состоянію своей психики, дитя иногда даже не можетъ себѣ и представить того, какимъ образомъ оно при тѣхъ же обстоятельствахъ могло бы поступить иначе, чѣмъ это было раньше. Въ связи съ указанными же свойствами дѣтской природы стоитъ и склонность дѣтей къ подражанію. Здѣсь именно сказываются свойственная дѣтямъ слабость психическаго контроля, слабость воли и самостоятельнаго размышленія. Прейеръ справедливо замѣчаетъ, что люди слабовольные подражаютъ легче и съ большимъ совершенствомъ, чѣмъ люди съ устойчивой волей, а наблюденія Гуда надъ глухонѣмыми свидѣтельствуютъ о такой же связи между отсутствіемъ способности къ размышленію и подражательности: Гудъ замѣтилъ, что глухонѣмые, менѣе одаренные въ умственномъ отношеніи, имѣютъ болѣе чистый и ясный выговоръ, который они усваиваютъ посредствомъ подражанія воспринимаемымъ зрѣніемъ движеніямъ губъ ¹⁾. Типичный въ данномъ случаѣ фактъ изъ области психіатріи представляютъ тѣ больные съ пораженнымъ мозгомъ, которые безсознательно подражаютъ каждому слову и каждому жесту окружающихъ. Вотъ почему правъ Компаyre, когда сближаетъ дѣтскую подражательность съ внушеніемъ, говоря, что подражательныя дѣйствія дѣтей вначалѣ внушаются, непреодолимо внушаются посредствомъ нѣкотораго рода естественнаго гипнотизма“ ²⁾.

Итакъ, мы видимъ, что весь процессъ воспитанія ребенка есть до нѣкоторой степени процессъ естественнаго внушенія. Безъ сомнѣнія, что этотъ процессъ совершается на почвѣ извѣстной организациі. Въ ней именно заключается причина того, почему человѣкъ на извѣстныя внѣшнія вліянія отвѣчаетъ извѣстными именно, а не другими психическими реакціями. Извѣстный способъ чувствовать и дѣйствовать тѣсно связанъ съ природной психофизической структурой. Но все это лишь почва, на которую окружаю-

¹⁾ *Preger*, op. c. 228.

²⁾ *Compaure*, op. c. 181, 182.

щая среда может посвятить тѣ или другія сѣмена. Въ чемъ добро и въ чемъ зло, ребенокъ еще не знаетъ самъ и не въ состояніи пока этого понимать. Поэтому только по довѣрію къ извѣстнымъ авторитетамъ онъ можетъ усвоить себѣ ту или другую нравственную оцѣнку дѣйствій. Понятіе добра и зла имѣютъ для него только *внушенный* смыслъ: ему говорятъ, что одни дѣйствія хороши, что они заслуживаютъ похвалы, и что ихъ слѣдуетъ исполнять, хотя бы это было трудно и непріятно, что другія дѣйствія дурны, достойны порицанія и отвращенія и должны быть избѣгаемы, хотя бы они были привлекательны, и ребенокъ съ довѣріемъ принимаетъ такую оцѣнку. Такимъ образомъ, подобно внушенной гипнотизеромъ идеѣ, принципы воспитанія въ концѣ концовъ создаютъ своего рода инстинктъ, имѣющій принудительную власть надъ сознаниемъ. Самыя условія происхожденія такого инстинкта объясняютъ отчасти эту принудительность: онъ воспитанъ не влеченіемъ къ удовольствію, а извѣстнымъ видомъ принужденія, противодѣйствующаго личному удовольствію, заставляющаго подчиняться чему-то, стоящему выше субъективныхъ ощущеній. Воспитанные такимъ образомъ принципы являются въ одно и тоже время и своими собственными, внутренними для данной личности, и, въ то же время, стоящими выше ея: они внушаются въ большинствѣ случаевъ въ безличной формѣ, и самый процессъ внушенія происходитъ въ бессознательной области психической жизни, и потому повелѣніе звучитъ безлично и категорически: съ другой стороны, по указаннымъ уже причинамъ, будучи глубоко виѣдрены въ душу ребенка, они являются сознанию какъ собственное влеченіе даннаго субъекта. Такимъ образомъ, мы видимъ, что человекъ приучается подчиняться объективному принципу или правилу, стоящему выше его личнаго произвола и обязывающему его волю,—гораздо раньше, чѣмъ онъ сознаетъ ясно это правило или этотъ принципъ, какъ законъ своего разума. Но во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ, пока разумъ не вступилъ въ свои права и не принялъ сложившіяся ранѣ душевныя расположенія подъ свое покровительство, нравственности въ строгомъ смыслѣ слова еще нѣтъ: она лишь всесторонне подготовлена, но только разумное сознаніе приноситъ ее съ

собою. Последнее конечно само постепенно прогрессируетъ вмѣстѣ съ описаннымъ выше процессомъ нравственнаго воспитанія, уроки котораго, такимъ образомъ, по мѣрѣ развитія ребенка воспринимаются послѣднимъ все болѣе сознательно и разумно, но первоначальные корни котораго—это нужно признать—далеко предшествуютъ первымъ проблескамъ разумнаго существованія.

Н. Городенскій.
